

105 МИНУТ ПРО НАПОЛЕОНА

О новой авторской программе Эдварда Радзинского

Независимая газета. -
-1998. -21 нояб. - с.12

Глеб Ситковский

ИСТОРИК Радзинский в последние годы не пишет пьес. Драматург Радзинский в последние годы занимается не историями, а историей. Он теперь на «ты» со всеми тиранами древности и современности, и когда он заговаривает об их злодействах, нежная улыбка раздвигает его губы — так не может скрыть своей довольной улыбки ведущий передачи «В мире животных» Николай Дроздов, когда речь заходит о его любимцах змеях.

Эдвард Радзинский восклицает: «Он был величайшим негодяем!», а кажется, что признается в любви. Он любит своих злодеев «так искренно, так нежно», как можно любить только персонажей, которых сам сочинил. Распутин, Сталин, Нерон и Наполеон свалены в один ящик, ключ от которого у Карабаса-Радзинского, и хозяин ящика по своей прихоти вытаскивает то одну, то другую марионетку, заставляя их выделять умиротворительные па. Сам кукловод при этом страшно забавляется. На этой неделе настал черед плясать кукле по имени «Наполеон Бонапарт, император Франции». На канале ОРТ были одна за другой показаны программы Радзинского из цикла «Загадки истории» — «Как стать Наполеоном», «Как быть Наполеоном», «Как погубить Наполеоном». Три передачи по 35 минут чистого хронометража каждая. Если сложить, то вместе получится 105 минут на короткую жизнь одного человека. И 105 минут — про миллионы-миллионы людей, жизнь и смерть которых определялись лишь тем, что им довелось быть современниками этого человека.

«Я всегда имел привычку презирать человеческую жизнь», — эту фразу Наполеона Радзинский подчеркнет особо, видя в ней ключ к пониманию природы любого диктатора. Диктатор презирает жизнь свою и жизнь чужую, потому что чувствует собственную принадлежность к Истории, а мать-история уж точно не привыкла делать различий между мертвыми и живыми. «Смерть» —

Эдвард Радзинский.
Фото Александра Шалгина (НГ-фото)

вот разгадка историй, которые «сочиняет» Радзинский. Вот что влечет зрителя к экрану в те вечера, когда с него льется слабый и болезненный голос Эдварда Радзинского. В отличие от других телевизионных рассказчиков он в своих «Загадках истории» почти не использует такие вспомогательные средства, как видеоиллюстрации (отсутствие репортажа о битве на Бородинском поле, впрочем, легко объяснимо и даже простительно) или иллюстрации обыкновенные (зрителю не позволяется особенно вглядываться в портреты Наполеона, его маршалов и его женщин — легким полу-

намеком мелькают они перед нами, давая работу не зрению, но, скорее, воображению). В кадре достаточно присутствия одного Радзинского, чтобы удержать зрителя у телевизора. Рассказчика никак нельзя назвать обаятельным, а его повадки (особенно когда он начинает хихикать, повествуя о пытках и казнях) и все могут оттолкнуть кого угодно. Но Радзинский знает, что делает: отталкивая зрителя, он одновременно его и притягивает каким-то мощным магнитом. Этот магнит — обаяние смерти, почти физическое ощущение ее присутствия в кадре. Автор помнит о том,

что «история — это пророчество о прошлом», и умело актерствует, играя в пророка.

Когда в старой своей программе Радзинский рассказывал о расстреле царской семьи, вдруг начинало казаться, что он, пока летели пули, стоял где-то в уголке подвала Ипатьевского дома со своей презрительной полуулыбкой-полуgrimасой на лице. «В истории нет ничего важнее смерти», — уверен он и потому в своей программе о Наполеоне позволяет себе даже уронить мельком полуиничное замечание: «Чем был бы Николай II без своего мученичества? Слабым царем, который проиграл войну?»

Обаяние смерти влекло зрителя к экрану и тогда, когда шел цикл «Предсказание Сталина», и сейчас, в программе про Наполеона. Наполеон ведь со смертью тоже был на «ты». Трех частям своего фильма «Как стать, быть и умереть Наполеоном» Радзинский мог бы совершенно свободно дать иные названия: например, «Как он сел смерть», «Как он искал смерть» и «Как он нашел смерть».

Наполеон — персонаж, необходимый в мозаике, которую складывает Радзинский. Необходимый, но неродной. И если в программах о Романовых и о Сталине автор дополнял картину своими собственными изысканиями, то в цикле о Наполеоне Радзинский поневоле ограничивается сведениями общеизвестными, знакомыми среднеразвитому зрителю по книжке академика Тарле.

Напоследок рассказчик в качестве ключа к своей программе прибегает фразу Гете — о том, что «за жизнью Наполеона скрывается еще что-то, только никто не знает что». «Все великие полководцы, — итожит Радзинский, — как и Наполеон, собирали огромные армии, чтобы завоевать мир, но тщетно. Между тем Спаситель со своего креста завоевал целый свет одною лишь любовью». Так, по-дантовски, словом «любовь» и завершается рассказ Эдварда Радзинского о Наполеоне Бонапарте — о жизни, протекавшей в присутствии смерти и в отсутствии любви.